

Артём Капустин – родился в 1983 году в Калининграде. Родители переехали в Калининград с Донбасса после окончания института в 1970 году. Окончил Калининградский государственный университет (ныне БФУ им. Канта) по специальности «Радиофизика и электроника». Пишу стихи и прозу со студенческих лет. Публиковался в сборнике «Поэт года – 2015», изданном администрацией сайта stih.tu.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ ТАК ПАХНУТ РОЗЫ...

Отрывок из повести

Я был не единственным координатором протестных акций на юге и востоке Украины в начале апреля. Нас было много из разных городов. Были и русские подписчики наших пабликов в соцсетях. По всей России, от Калининграда до Сахалина, собирали митинги в нашу поддержку и координировали акции протеста на Украине. Примерно, как пиринговые сети устроены. Например, находясь на Украине, кто-то качает материалы, запрещённые украинским законодательством. А власти Украины сервера, на которых они размещены, не достанут, потому что те находятся – один в России, другой в Индонезии, третий в Бразилии. Так и нам оказали неоценимую помощь российские активисты, что могли безбоязненно координировать наши действия через Интернет, не опасаясь ареста. Особое усердие проявил один парень моего возраста из Калининграда. Кажется, тоже айтишник. И тоже родственник фамилии Бешлык. Слободан, если ты это прочтёшь, уважу. Если не прочтёшь, тоже.

Первоначально волну протеста хотели назвать «Благовещение – день гнева». Но потом перенесли с 7 апреля на 6-е, справедливо рассудив, что в воскресенье у нас больше шансов привлечь широкие массы – за счёт работающего населения, которое многие работодатели не отпускают в понедельник. Можно было начать и в субботу 5 апреля, но не получилось. А так было бы знаковое совпадение. День Ледового побоища, когда православное воинство разгромило западноевропейских захватчиков. И тоже суббота, как в день знаменитого сражения. Шестого апреля, кажется, тоже есть какая-то памятная дата из истории Отечественной войны, а какая – не помню.

После литургии я поблагодарил маму за сытный обед. У кого-то от волнения пропадает аппетит, а у меня, наоборот, разыгрывается волчий жор. И, обняв её на прощание, поехал в областной центр, не зная, увижу ли её снова живым.

На выезде из Георгиевки магнитола начала ловить «Наше радио» из Ростовской области. Сквозь шипение прорывалось пение российского металлиста:

*Помнишь, ты ведь помнишь –
Ты был гордым мудрым вождём.
Помнишь, ты ведь помнишь,
Как вошли солдаты в твой дом.
Ты встречал рассвет
Среди выжженных скал.
Время шло, и вот,
Час расплаты настал.*

И фамилия у вокалиста под статью текущим событиям – Беркут.

Дорога, в общем, прошла без приключений.

Только в посёлке Роскошное мне пришлось остановиться у блокпоста украинской милиции. Но мои документы оказались чисты, и мне не пришлось потратить ни одного драгоценного патрона из пистолета под плащом.

Митинг назначили перед зданием СБУ. Увидев машину с киевскими номерами, протестующие напряглись, думая, что это какой-то офицер того ведомства усмирять их из Киева приехал. Но вскоре обрадовались, узнав в водителе этой машины своего соратника по фотографиям в социальных сетях.

Первые часы народ стоял у массивного здания в центре города, требуя вызвать на переговоры генералитет или хотя бы старших офицеров. Но они проигнорировали требования собравшихся, отсиживаясь в свой законный выходной по домам. У митинга в выходной день есть и свои минусы – в день рабочий мы бы застали представителей власти на местах.

Во второй половине дня нам подвезли палатки, защищающие от степных ветров, и горючие материалы для костров. Всё-таки в первой половине апреля ночи на Донбассе ещё холодные. Электрическое освещение дополнялось беспорядочно зажжёнными по всей территории огнями. В разных концах стихийного палаточного городка слышалась гитарная музыка или пение а-капелла. Исполняли разные песни – православные, коммунистические, просто народные, бардовские или рок-н-ролл. То тут то там шныряли подростки, сбежавшие из домов поглядеть на зрелище, усиливая ощущение хаоса.

Солнце уже заходило за западное крыло здания, а власти так и не появились. Вместо них появилась усиленная охрана.

В полшестого митингующие и охрана здания СБУ всё так же стояли друг напротив друга, не решаясь начать движение. В толпе слышался глухой ропот, что в святой праздник приходится пропускать богослужение. И похоже, что не только всенощное бдение, но и литургию. Хорошо хоть, с подвозом продуктов было всё нормально, и люди не начали тупо разбегаться по домам, чтобы поесть.

Вскоре после 18 часов появилось сообщение в социальных сетях от товарищей из Полтавы. Через их город прошла колонна машин с бойцами спецназа из Винницы. Двигаются по направлению на Харьков. После полуночи они приедут разгонять наш митинг.

Все наконец-то поняли, что надо уже что-то делать. Раз двери не открывают, будем ломать. Мужики взялись за поваленный фонарный столб и стали колотить им входные двери как тараном. Сломать не удалось, но двери распахнулись сами. Из них показались бойцы местного Беркута с автоматами наизготовку. Наши активисты вступили с ними в переговоры. А я снял с предохранителя пистолет и примерялся, как удобнее отстреливаться поверх голов, если автоматчики откроют огонь.

Наконец переговоры сдвинулись с мёртвой точки. Один из охранников проникся рассказами о том, как путчисты поджигали его сослуживцев заживо в Киеве и Львове, и задумался, стоит ли такой власти служить.

– Шо я педерастів мало бачив у житті, шоб за Ляшко підставлятися? Я з вами. Айда со мной, хлопці, – бросил он своим, и четверо охранников влились в наши ряды.

Толпа ввалилась в главный вход, оставленный этими четырьмя открытым. Увидев среди народа своих, да ещё и вооружённых, остальные охранники отступили на второй этаж, чтобы закрепиться выше, а первый мгновенно оказался в руках восставших. Меня вместе со всеми внесло людской волной в фойе здания. Правая рука продолжала крепко сжимать пистолет.

Оказавшись посреди просторного холла, люди растерялись, не представляя, что делать дальше. Часть бросилась в коридоры первого этажа, большинство продолжало топтаться на месте. Из левого коридора выбежал мужчина средних лет с какими-то бумагами, найденными в одном из кабинетов. По-видимому, прораб или инженер-строитель. По крайней мере, он пришёл сражаться в строительной спецовке, что так же, как и военная форма, не мешает резким движениям.

Не знаю почему, но он подошёл именно ко мне. То ли случайно, то ли выбрал самого крепкого на вид из мужчин в зоне видимости.

– Зброя е?

– Ось, – показал я ему своего Макарова с полной обоймой.

Он развернул бумаги на весу.

– Вот поэтажный план здания. Тебе нужно обесточить его, чтобы стало темно. Минус второй этаж – тут электрощитовая. Нужны две пули – одна в замок на двери, другая – в замок на щитке, где главный входной автомат. Найдёшь, который из них?

– Я полгода электриком работал.

– Потом расскажешь свою биографию. Задание понятно? Выконуй.

– Есть выполнять задание, – ответил я по старой армейской привычке и устремился в коридор, откуда только что вышел прораб.

Я поехал на лифте, чтобы не встретить по пути никого из охранников, оставшихся верными правительству. Секунды ожидания лифта и езды на два этажа вниз показались мне часом.

Следующий кадр, который я помню: нижние этажи уже захвачены. В конце коридора кто-то из наших парней сидит с гитарой и играет песню про двенадцатый праздник, что по церковному календарю наступил с вечера:

*Сын, Дева Мария, за милосердие бывает,
И радость Благовещенья Гавриил провещевает...*

Настроение у всех радостно-приподнятое.

А я стою на коленях перед унитазом, потому что у меня сучилась глазная болезнь – блюю дальше, чем вижу.

Враньё это всё, когда кто-то бахвалится, будто бы убить легко. После первого убийства в любом случае ломает. Выворачивает так, что готов вытошнить все внутренности вместе с мозгами.

Когда двери лифта открылись на втором подземном этаже, по другую их сторону на меня таранился испуганный милиционер. Или я первым подниму пистолет, или он первым поднимет пистолет. Я выстрелил раньше. Но, не целясь, промахнулся и попал в ногу, а не в грудь, как хотел. Он упал на пол, но остался в сознании. Хватаясь руками за пробитое бедро, он успел прокричать:

– Подмога! Засылайте подмогу!

Пришлось добить его выстрелом в голову.

А из дальнего конца коридора на его крик уже бежали четыре охранника, вооружённые резиновыми дубинками.

Тут уж я не промахнулся: четыре выстрела – четыре трупа.

И нужно было искать этот злосчастный электрический щиток, чтобы закончить боевую задачу.

А я не мог. Вместо этого я, держась за стену, кое-как дополз до туалета, и меня начало выворачивать наизнанку. Мозг отказывался думать любые мысли, кроме одной:

– Я убийца... Я убил пять человек... Убийца... Я...

И как жить дальше после такого?

У меня осталось две пули. Седьмую выпущу в какого-нибудь мента, что заглянет сюда по нужде, а восьмую – себе в сердце. Нет, нельзя. Я помню видение на мосту через Днепр 22 марта. Боец Соколов, хватит нюни распускать! Тебе приказано выжить, и ты обязан выжить. Лучше подумать, где бы ещё патронами для ПМ разжиться – ведь после расстрела электрощитовой их больше не останется.

На этой фразе в моей голове здание полностью погрузилось во тьму. Кто-то проявил типичную для ополчения взаимопомощь и решил задачу с электрическим щитком за меня.

Однако в скором времени мы заняли всё здание и снова включили свет, уже для себя.

Нас попытались централизованно отключить от электростанции, но пророссийски настроенные рядовые энергетики заперли в подсобке украинское руководство, и власть на станции взял сочувствующий нам заместитель главного инженера, так что огни восставшего города продолжали освещать улицы, и каратели не могли пройти незамеченными, если бы они там появились.

Мы захватили оружейную комнату в здании СБУ и теперь могли оказать достойный приём винничкому спецназу.

Но силы были явно неравны. А наша цель всё-таки – не продать свои жизни подороже, а сделать так, чтоб восстание дожило до воссоединения с Россией или до признания независимости Донецка и Луганска от Украины.

Связь с Интернетом действовала, и мы сняли ролик, разместив его на Youtube и других популярных видеоплощадках. Выступали трое. В масках, потому что ещё не до конца уверовали в победу и беспокоились за судьбу своих родственников в случае поражения. Как сейчас помню их отчаянный вопль:

– В январе, когда начиналось безумие на Майдане, мы спокойно ходили на работу и смотрели новости по телевидению как увлекательный спектакль, вместо того чтобы организовать ответные мероприятия. В феврале, когда радикальные националисты дорвались до власти и стали уничтожать последних защитников старых порядков, мы и тогда молчали, ожидая, что само рассосётся. В марте, когда беспредельщики отморозенные стали грабить и насиловать всех, кто попались под горячую

руку, уже некому было встать на нашу защиту. В апреле мы наконец перешли к решительным действиям. Но если нас никто не поддержит, не успеете глазом моргнуть, как всё будет кончено. И тогда вы останетесь один на один с ордой варваров, окончательно утративших человеческий облик. Безоружные и беззащитные. Выползайте из уютных нор и приходите к нам. Чем больше мужчин вспомнит о том, что мужчина – воин, тем больше у нас шансов на победу. Донбасс, вставай!

И Донбасс встал.

По ночному городу текли людские ручейки к бывшему зданию СБУ, где зарождалась Луганская Народная Республика. Кто пешком, кто на машинах, а иные и на такси. Были случаи, когда таксист подвозил к нам пассажира, а потом шёл к нам вместе с ним.

Седьмого числа джинн окончательно вылетел из бутылки, и восстание стало воистину народным.

А винницкий спецназ завяз в Харькове, который тоже бурлил. И справедливости ради отмечу, сделал там на-ура своё чёрное дело. Мы рассчитывали, что Харьков станет столицей будущей Новороссии, от Одессы до Луганска. Но восстание удалось только в Луганске и Донецке. Харьков сдуся в три дня, в Одессе весь апрель продолжались стычки между повстанцами и карателями, примерно на равных.

В том, что наш замысел удался только наполовину, виноваты мы сами. В Крыму первые отряды самообороны стали создаваться уже на следующий день после переворота, 23 февраля. Есть такой роман «Остров Крым». И пока в Киеве опьянённые лёгкой победой сторонники Майдана делили министерские портфели, полуостров Крым уплыл вместе со всеми жителями, став настоящим островом мирной России, единственной областью, бескровно отделившейся от обезумевшей Украины.

А мы, что мы? Выжидали аж до апреля, надеясь на чудо. Но монстр не превратился в принца, как в детской сказке. Он день ото дня только зверел. И когда мы наконец решились, он уже окреп и смог показать зубы. В большой семье раздавались характерные щелчки.

Слава богу, некромантам из Киева и Львова не удалось превратить в зомби весь народ.

12 апреля, когда в Славянск пришёл отставной офицер из России Игорь Стрелков с отрядом в 50 кубанских казаков, на их сторону перешли все 800 милиционеров этого небольшого, но славного райцентра. 14 апреля батальон житомирских танкистов самовольно вернулся к месту дислокации, не желая стрелять в гражданских.

13 апреля в руках восставших оказался Краматорск, 15 апреля – Шахтёрск, 17 апреля – Красный Луч. Ближе к Пасхе ополчение взяло под свой контроль всю трассу Донецк – Луганск, и, когда весь православный народ праздновал победу Христа над смертью, можно было с уверенностью сказать, что и воины Христовы одержали первую локальную победу над силами зла и смерти, захватившими Киев, мать городов русских и колыбель русского православия. Минас Итиль стал Минас Моргулом, но Гондор не пал.

Но и Турчинов сотоварищи не сидели сложа руки. Против шахтёров и металлургов с охотничьи-ми ружьями двинулись части регулярной армии. Мы выстояли только по одной причине – солдаты не хотели воевать. Да и многие офицеры тоже. Большинство разошлись бы по домам, если бы не заградотряды правого сектора.

С течением времени мы усиливались, но усиливалась и пропагандистская обработка войск укров.

Началось кровопролитие, которому не видно конца и края.

В этом есть и наша вина. Нет, не в том, как пытаются представить украинские СМИ, якобы первопричина братоубийственной войны – вооружённый сепаратизм на юго-востоке страны, а не февральский переворот. А в том, что мы забыли традиционные ценности славянских народов. Превратились в беспринципных карьеристов и образцовых членов общества потребления. В том, что мы забыли о Боге и стали жить, как дикие звери, единственный смысл жизни которых – пожрать да перепихнуться.

Прозрение оказалось жестоким. Был такой христианский писатель Клайв Льюис. Он в своё время сказал такую фразу, что я подписываюсь под каждым словом: «Сначала Бог обращается к человеку шёпотом любви. Если человек не внимает, то Он обращается к нему голосом совести. Если человек остаётся глух и к этому призыву, то Богу ничего не остаётся, кроме как напомнить человеку о себе через рупор страданий».

Прав был и Игорь Стрелков: «Война сметает всю наносную шелуху с человека, срывает маски с лиц, оставляя то, что на самом деле внутри человека. Если он был подлецом, станет конченным подонком. Если был хорошим, станет святым».

И мы страдаем, надеясь возродиться очищенными, как очищается металл от шлака в раскалённых печах. Достойное по делам нашим приемлем. Помяни нас, Господи, во Царствии Твоём.

* * *

Не вижу смысла подробно описывать ход боевых действий – об этом читатели могут узнать, ознакомившись с официальными сводками ополчения.

Лучше продолжу рассказывать о своей скромной персоне.

Наверно, многих заинтересует, как человек сугубо штатский, до восстания державший огнестрельное оружие только на срочной службе и в тире, пролез из рядовых бойцов в командиры.

Честно скажу, гордиться тут нечем. Никаких особых подвигов я не совершал. Произвели меня в офицеры, можно сказать, случайно.

На мой день рождения, когда у нашего подразделения закончился курс молодого бойца в тылу и подполковник Мозговой собрал нас, чтобы распределить по фронтам, он спросил перед строем:

– Есть здесь бойцы с высшим образованием? Шаг вперёд.

Из строя вышел только я один. Остальные были пролетариями, до войны работавшими в цехах и на шахтах.

Он оценил ситуацию и коротко бросил в мою сторону:

– Ну вот и славненько. Офицером будешь.

И дал мне в подчинение взвод из тридцати раздолбаев, вместе с погонами. Теперь я лейтенант. Может быть, через полгода старлея дадут, если выживу.

А ещё как раз на мой день рождения была провозглашена Луганская Народная Республика. Попробую дожить до следующего года. Тогда у меня будет двойной праздник – мой день рождения и день рождения государства, независимость которого я отстаиваю с оружием в руках.

Впрочем, я надеюсь, что через полгода, а тем более через год война уже кончится.

А почему, собственно, Рамирес?

Вопрос, конечно, интересный. Внешность у меня типично нордическая, а кличка, как у южанина.

Но и темперамент, как у южанина. Когда я проходил курс молодого бойца, то очень злился, когда у меня из-за недостаточной подготовки (строевой, огневой, силовой) что-то не получалось. Особенно злился, когда кто-то меня за это подкалывал, даже если подкалывал беззлобно и по-дружески. Сначала мне хотели дать позывной Фугас – чуть тронешь этого вспылчивого товарища, и он взрывается. Но я придумал более поэтичную версию. Причём также связанную с войной.

Но с войной, происходившей очень далеко и очень давно. Увлекаясь всемирной историей и творчеством Грэма Грина, я узнал о том, что происходило в Мексике без малого столетие назад.

В 1926 году в лице президента Кальеса объединилось всё низкое и подлое, что он взял и от соратников-троцкистов, и от предшественников-капиталистов. И 1 августа он поднял руку на святое святых для латиноамериканцев – на католичество. Горячие мексиканские парни, естественно, развернули партизанщину, по сравнению с которой наше восстание показалось бы детским лепетом.

Они называли себя Кристерос. Я затрудняюсь назвать точный перевод этого слова с испанского. Вероятно, перевести это одним словом на славянские языки невозможно. Это сочетание двух слов – cristianos – христиане и guerrilleros – партизаны. Приблизительно можно перевести как «Воины Христовы».

И среди них были два особо выдающихся героя – сельский староста Викториано Рамирес и священник Хосе Рейес Вега.

Я знал о них по фильму, что два года назад смотрел по горячим следам его премьеры онлайн на английском языке в отсутствие русского перевода. Там эти две личности объединены в одну – священника Викториано Рамиреса. Его пришли брать четырнадцать гвардейцев правительственных войск, а он перестрелял их всех. Достойный пример для подражания партизанам. И если я доживу до победы, тоже стану священником. И тоже безбрачным, как католические священники. Православным целибатом, каковым должен быть батюшка-вдовец. Жениться повторно ни в коем случае не стану. Я не могу предать Наташу, ожидающую меня на небесах. И этот падре звался Викториано – так похоже на убитого на моих глазах отца Виктора, память которого я хочу увековечить.

Через несколько дней после выбора позывного я узнал правдивую историю, что священника на самом деле звали не Рамирес. Но решил оставить себе тот позывной, что выбрал. Потому что Рамирес звучит колоритнее, чем падре Хосе. Пусть будет Рамирес.

Окончательно моё испанское прозвище закрепилось совсем недавно. На День Победы. Нет, радоваться рано – не той победы, к которой мы стремимся ныне. Я имею в виду Девятое мая, День Победы наших славных предков.

Командование антифашистского ополчения не могло обойти вниманием этот поистине великий день, и в городском ДК Лутугино организовали концерт художественной самодеятельности среди бойцов.

Я исполнял на гитаре последнее танго, что написал перед гибелью в катастрофе «аргентинский соловей» Карлос Гардель. Оно так и называется, «Adios muchachos» – «Прощайте, друзья». Герой танго потерял мать, невесту и прощается с друзьями, так как молодость прошла и он больше не хочет жить для развлечений. Когда я слушал эту композицию до войны, у меня возникали две ассоциации, что собирается сделать этот персонаж – покончить с собой или уйти в монастырь. А я, потеряв жену, отца и брата, попрощался с матерью и ушёл воевать. И исполнил эту песню так эмоционально, что написавший её латиноамериканец нервно курит в коридоре.

После этого подвыпившие в честь праздника женщины пытались вешаться мне на шею, но я был холоден, как мамонт в вечной мерзлоте. У меня была только одна женщина, которую я любил и буду любить вечно – на этом свете и на том.

* * *

Вот мы и подходим к тем дням, когда я сижу с ноутбуком на коленях и в меру сил пытаюсь описать, как я дошёл до жизни такой.

Впервые мысль подробно описать свою биографию зародилась у меня в день референдума о независимости.

Я тогда был поставлен командовать охраной избирательного участка в родном Лутугино.

Мероприятие проходило без эксцессов, и я откровенно заскучал. К тому же поздняя весна в степи уже давала о себе знать тем, что на избирательном участке, в спёртом воздухе от множества народа в сочетании с уличным зноем, было откровенно душно.

И я решил прогуляться до магазина, купить ребятам что-нибудь пообедать, и себе заодно. Домой обедать не пошёл, чтобы не уронить репутацию среди солдат – они, мол, на боевом посту парятся, а я за мамкиной юбкой отсиживаюсь.

Первый магазин я пропустил – накатила ностальгия, и я пошёл бродить по улицам, где родился, учился и вырос.

Примерно через километр я увидел обезоруженную моими сослуживцами случайно заблудившуюся здесь БМП укров. Она окончательно остановилась, врезавшись в немногочисленные в степном городке деревья, когда-то посаженные советскими агрономами.

Гусеницы машины завалили характерный для наших южных широт красный каштан, а следом за ним один из символов ненавистной украм России – белую берёзу. Я смотрел на гроздь оборванных красных цветов каштана, разметающихся по белой коре вокруг излома берёзового ствола. И это зрелище прочно ассоциировалось у меня с тем, что эти цветы – капли крови жениха, не сумевшего защитить невесту в белом платье от машины, бездушной и беспощадной. Как я не смог защитить молодую жену от беспощадной машины для убийств в виде фашистско-бандитского государства.

Мне вспомнились её слова, сказанные два года назад в наши самые счастливые дни под Симферополем:

– Когда мне было 14 лет, батя взял меня с собой браконьерствовать птиц с лодки под Днепропетровском. Он бил из ружья без промаха. И падали лебеди, подстреленные на взлёте. Он улыбался до ушей от охватившего его мальчишеского азарта. А я ревела в три ручья. Мне так было жалко лебедей. Когда они объединяются в пару и сближают шеи в форме латинской буквы S, получается фигура, образующая сердце. А если один из лебедей в паре гибнет, второй чахнет и умирает. Разве можно их убивать? Тем более на взлёте, когда они только-только начинают подъём в небо!

Мы и есть птицы, подстреленные на взлёте.

А ещё вспомнились строки собственного сочинения:

*Так и в сердце моём свет жизни угас –
Я, как призрак, ветром носимый.*

Ирония судьбы – батальон, где я служу, так и называется, «Призрак».

В первые дни после гибели Наты я фантазировал, что она уехала на курорт отдыхать. Например, в ту же Италию. И когда-нибудь меня к себе позовёт, на что я с радостью откликнусь.

А в последние дни мне кажется, что это она жива. По-настоящему жива. А я умер. Все чувства отболели и перегорели. В самурайском кодексе чести Бусидо правило номер один гласит: «Действуй так, как будто ты уже мёртв». Я так и действую. И если это приносит максимум пользы общему делу, да будет так.

Но, как показала практика, никуда ты, морячок, не денешься с подводной лодки. От себя не убежишь. Рано или поздно чувства нет-нет да и всплывут.

Возвратившись на дежурство, я принялся рассматривать наши с Натой свадебные фотографии.

Я не успел их забрать у фотографа, вернувшись из Италии, – тогда нам с женой было, мягко говоря, не до того.

Потом я уехал в Луганск поднимать восстание, а фотограф, как сторонник Майдана, остался в Киеве.

Но в день референдума мы свиделись.

Он поехал в так называемую «зону АТО», то есть на восставший Донбасс военным корреспондентом. Подзаработать решил. И позлорадствовать, снимая, как части украинской армии ворвутся в Луганск и сорвут голосование.

В Луганск хохлы, конечно же, не ворвались.

Получив отпор, они были вынуждены отступать в захваченный ими луганский аэропорт.

Корреспондент ехал на машине по навигатору с тормознутой и глючной прошивкой. В итоге он заблудился и выскочил прямо на наш блокпост в Успенке.

Поначалу молодые и горячие студенты, взявшие его в плен, хотели его шлёпнуть за то, что шпионил, выдавая украинской армии наши позиции.

Но я охладил их пыл, напомнив приказ Болотова о человеческом отношении к пленным.

Но носители информации с тем, что он наснимал, я у него изъял.

И когда увидел ещё не стёртые с них фотографии со своей свадьбы, от удивления смог выговорить только: «Бывают в жизни совпадения».

Интересно, узнал ли он в суровом вояке своего бывшего друга. Я-то его узнал в лицо, но не подал вида. Думаю, он поступил так же.

Когда мне совсем невмоготу, я обращаюсь к творчеству. И я решил совместить эскапизм и выполнение священного долга. Никто не должен быть забыт, ничто не должно быть забыто. Ни люди, пролившие свою кровь невинно, ни счастье человеческое, растоптанное берцами штурмовиков.

Но мемуары я начал писать не сразу. Сначала я написал стихи.

Второго мая бандеровцы, позиционирующие себя как цивилизованные европейцы, с дикой азиатской жестокостью подавили протесты в Одессе – сожгли заживо 56 гражданских лиц.

К тому времени я уже многое повидал на родной Луганщине, но в такое не мог поверить до последней минуты, пока не увидел документальную съёмку с места событий от надёжных, проверенных товарищей.

Фашисты ещё и насмехались над трагедией: «Новое блюдо украинской национальной кухни – жареные колорады по-одесски».

В голове не укладывается.

По следам этого события родилось всего две строки, а потом я заглох и не смог продолжить их, но и они оказались достаточно красноречивыми:

*Мертва Украина – сгорела живьём.
Убита в Одессе нацистским зверьём.*

Более плодотворной оказалась попытка сочинить что-нибудь к недавно минувшему Дню Победы. Я взял за основу моё любимое стихотворение об Отечественной войне, которое я выучил ещё в старших классах школы. К 50-летию Победы, когда День Победы на Украине был ещё государственным праздником. И переделал его так, чтобы похожими рифмами рассказать о последних известных между нами событиях.

Оригинал.
Михаил Светлов,
«Итальянец», 1943 г.

*Чёрный крест на груди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, –
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...*

*Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?*

*Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далёком!
Как я грезил на волжском приволье –
Хоть разок прокатиться в гондоле!*

*Но ведь я не пришёл с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землёй Рафаэля!*

*Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.*

*Разве среднего Дона излучина
Иностранным учёным изучена?
Нашу землю – Россию, Расею –
Разве ты распахал и засеял?*

*Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далёких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...*

*Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей!*

*Никогда ты здесь не жил и не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах...*

Переработка.
Андрей Соколов, он же Викториано Рамирес,
«Украинец», 2014 г.

*Жёлтый флаг на гробах украинцев,
Грим, чтоб раны замазать на лицах.
Сбережения семей небогатых
На поминки ушли по солдатам.*

*Молодой уроженец Галиции,
Тот, что в армию призван с милицией, –
Ты скакал на Майдане зимою,
Чтоб бандиты рулили страную.*

*Я, убивший тебя под Луганском,
Так мечтал по предгорьям Карпатским
После пыльных степей прогуляться
И в сосновом лесу наддышаться.*

*Но ведь я не пришёл с автоматом,
По гражданским стреляя по хатам,
Но ведь пули мои не свистели,
Заглушив соловьиные трели.*

*Здесь я выстрелил – здесь, где родился,
Где на шахте ударно трудился,
Где язык колыбельных казачьих
Никто мовой не кличет собачьей.*

*Поработай в цехах и на шахтах –
Ненавидеть начнёшь олигархов.
И поймёшь, что у власти уроды
Не из нашей рабочей породы.*

*Но идут дураков эшелоны
Для захвата Европе колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного.*

*Я не дам свою Родину вывезти
За простор чужеземных морей –
Я стреляю, и нет справедливости
Справедливее пули моей.*

*Никогда ты здесь не жил и не был,
Но разлито в донецких степях
Украинское синее небо,
Застеклённое в мёртвых глазах.*

За сутки с того момента, как я начал писать, и до того, как закончился подсчёт голосов и с избирательного участка сняли охрану, я, конечно, не успел написать это всё. Успел только до расставания с будущей женой на вокзале Севастополя.

Следующая возможность возобновить записи выдалась только через две недели. В первый раз моя группа обеспечивала проведение голосования, теперь перед нами стояла задача сорвать его. То есть не допустить трагикомического фарса в виде проведения в ЛНР выборов киевского президента Пети Параша.

И вновь я просиживал штаны и плевал в потолок на избирательном участке в каком-нибудь километре от дома. В этот раз было даже ещё тоскливее. Тогда участок был открытым и там сновали толпы празднично одетого народа. Теперь участок был закрытым, и только на улице приходилось отвечать на досужие расспросы малочисленных зевак. Впрочем, не таких уж и малочисленных. Приходили граждане, смотрели, что происходит. Но не с целью голосования, а так, поглазеть.

К тому моменту, помимо моего желания, взвод лейтенанта Рамиреса постепенно приобретал известность. Особенно его командир.

Помню, как на избирательном участке скучали вместе со мной три бойца.

Я подошёл и прислушался к их разговору.

Один из них поманил другого пальцем, чтобы заинтересовать, что же такого интересного сослуживец скажет, и заговорщическим тоном прошептал:

– А вы знаете, что Арсений – Яйценюх? Нюхает яйца... свои!

Из двух других один чуть не съехал со стула от смеха. Другой, криво усмехнувшись, заметил:

– Старо. А такие частушки знаете?

*Укры форму надевали,
За Славянск дралися –
Всё, что можно, прое**ли...
И обос**лися!*

– Попрошу не выражаться, здесь дети ходят, – осадил я не в меру ретивых воинов.

Певец воспринял замечание как наезд и полез в бутылку:

– А ты вообще кто такой? Боевой офицер или крыса тыловая? Повоюй с моё – будешь указывать, как мне базар фильтровать.

Я принял хался – они пьяны. Мне впервые захотелось набить соратнику морду – из-за таких, как он, ополчение называют махновщиной.

Но мне не пришлось опускаться до рукоприкладства лично – за меня это сделал третий солдат. Он с размаху отвесил сослуживцу подзатыльник и одёрнул его:

– Ты что, до чёртиков допился, командиров не узнаёшь? Это же лейтенант Рамирес. По сравнению с ним мы все – крысы, пороха не нюхавшие.

– Виноват, товарищ командир, не признал, – опомнился смутьян и улыбнулся: – богатым будете.

– Я бы предпочёл, чтобы мне вместо золота и бриллиантов подкинули более нужные сейчас железные стволы и свинцовые патроны, – ответил я так же полушутя.

Да уж. Я мечтал стать авторитетом в информационных технологиях, которым отдал добрый десяток лет, а стал таковым среди военных, к коим до восстания вообще отношения не имел. К тому моменту я находился в действующих войсках уже несколько недель. Угрызений совести от убийства врагов я больше не испытывал. Человек ко многому может привыкнуть. Мои сослуживцы как-то заметили, что даже когда я безоружен, я при ходьбе размахиваю только левой рукой. А правую продолжаю по привычке держать на бедре, как будто у меня там кобура с пистолетом.

Мы оставались на запертых избирательных участках и в ночь на 26 мая, опасаясь провокаций укров. Но и тогда мне не удалось закончить мемуары полностью. Второй творческий заход закончился возвращением в Киев из свадебного путешествия.

Я хотел в третий раз приступить к записи воспоминаний 2 июня, когда офицеру в очередной раз выпало нести караульную службу. Но помешала украинская авиация, нанеся удар по администрации Луганска, после чего все мобильные группы ополчения были подняты по тревоге.

В связи с этим произошёл эпизод, который мне кажется заслуживающим внимания.

Мы получили задание установить зенитное орудие на крыше здания, доминирующего над окружающей застройкой, чтобы сбивать самолёты, если они ещё раз попробуют сюда сунуться. Я выбрал главный корпус института, где учился, который теперь называется Восточно-Украинский университет и скоро, без сомнения, будет переименован.

Командир показывал пример подчинённым, как надо работать, вместе со всеми затаскивая по лестнице детали этой пушки.

На лестничной клетке четвёртого этажа о чём-то оживлённо беседовали две студентки, нарядные в честь начинающейся сессии. Я не старался подслушивать, но они разговаривали достаточно громко.

Одна из них выражала недоумение по поводу какого-то однокурсника Михаила, который внезапно перестал посещать учёбу, да ещё в такой момент, когда идёт зачётная неделя. И примерно в те же дни её отец ушёл на работу и не вернулся.

Вторая протараторила в ответ какую-то запутанную фразу, из которой удалось понять только словосочетание «Батальон Призрак».

У первой расширились глаза от страха:

– Батальон «Призрак»? Но папа не в ополчении. И Миша не может там быть.

Вторая накинулась на неё:

– Конечно, Александр Петрович в ополчении! И Миша тоже. Они ведь мужчины. Притом православные и луганчане.

Первая схватила меня за рукав:

– Товарищ командир, товарищ командир! Вы знаете Михаила Федосеева?

– Девяносто четвёртого года рождения, – уточнила вторая.

– Знаю, – безуспешно попытался я сдержать улыбку, – внизу в оцеплении стоит. Можете с ним пообщаться. Если сержант попытается прекратить ваш разговор, скажите ему, что лейтенант разрешил.

Ловко перебирая по ступенькам высокими каблуками, девочки умчались с четвёртого этажа на первый.

А я, закончив выполнение боевой задачи, предался размышлениям о том, как собранное с миру по нитке воинство будет останавливать орду доставшихся украинской армии от Советского Союза танков, вертолётов и самолётов. В моём взводе – автоматом и связкой гранат. А в подразделении, где служит бывший начальник IT-отдела, работавший со мной на Лутугинском заводе, – пистолетом и одной гранатой.

И знаете, что? Мы их остановим. Потом мы их остановим ещё раз и погоним на запад, в сторону Киева и Львова. Может быть, даже я это сделаю сам. А если меня убьют, то это сделает начальник IT-отдела. А если и его убьют, то это сделает донецкий гопник, который бил мне морду четыре года назад в Шахтёрске, отбирая у меня наличку и телефон. Или даже мой сосед-алкаш, которому я сам бил морду за то, что он наблевал в нашем подъезде.

Мы просто обязаны их остановить. Потому что, если мы их не остановим, тьма накроет всю Восточную Европу вместе с Россией и придёт толстый жирный песец всей славянской государственности и православной цивилизации. Также и коммунистической идеологии свободы, равенства и братства – в общем, сгорит, как одесский дом профсоюзов, всё разумное, доброе, вечное, накопленное человечеством за последние пару тысячелетий.

* * *

Тиха украинская ночь... Точнее, ночь в Луганской Народной Республике. В эту ночь, с 4 на 5 июня 2014 года, артиллерия укров наконец-то оставила Луганск в покое, и у меня появилась возможность закончить этот текст.

Что произошло за пропущенное в моём повествовании третье число? Мы потеряли город Счастье. Репортажи на новостных сайтах пестрят заголовками – «Сепаратисты потеряли счастье». Но не потеряли веру. Наши стены разбиты, но сердца – нет. Мы не потеряли надежду на окончательную победу. И, несмотря ни на что, не потеряли любовь к своим родным и близким.

Милая мама, утром ты обнаружишь флешку с этим произведением у себя на кухонном столе. Я приеду на рассвете, когда ты ещё будешь спать, и постараюсь пронести её в нашу квартиру бесшумно.

Не буду говорить тебе вслух о новом месте службы, чтобы заранее тебя не расстраивать. Ты узнаешь о нём из этого текста.

Стрелков направляет продажных чиновников из Славянска в штрафбат – рыть окопы в Семёновке. Этот небольшой посёлок – глухая окраина Славянска, форпост в непосредственной близости от артиллерии укров. А я направляюсь на помощь Донецкой республике добровольно. Там будет огненный ад, и некоторые думают, что попасть туда – это уже всё. Но ты не поддавайся бесовскому отчаянию. Ведь у меня очень трудолюбивый ангел-хранитель, неоднократно выносивший меня на руках из самых опасных передряг. Бог не выдаст – свинья не съест.

Бандеровским наёмникам, воюющим за деньги, не понять, как мы можем отправиться в пекло на выручку друзьям совершенно бескорыстно. И поэтому мы их победим. В середине дня на сайте информационного агентства «Русская весна» один корреспондент разместил статью с заголовком, придуманным с моей подачи: «Если кому-то не хватает чистых и честных человеческих отношений, он обретёт себя в Новороссии».

И всё же, на всякий случай я оставлю тебе этот носитель с краткой пояснительной запиской, что с него нужно читать и что с этим делать.

Если услышишь о том, что я погиб, передай этот текст как можно большему количеству информационных агентств. Я бы попросил тебя передать его и в том случае, если не погибну, но не считаю себя вправе так рисковать твоим здоровьем, физическим и психическим, пока могу сделать это сам. Второй экземпляр я буду держать у себя.

Думаю, оставленные тебе на хранение, мои воспоминания не пропадут.

Я в тебя верю.

И ты веруй в Бога, верь в победу и в меня верь.

Я люблю тебя. Как никогда в жизни. И это не пустословие.

А что нам ещё остаётся делать? Ведь мы единственные близкие люди друг у друга, что пока ещё остаются в живых.

Ближе для меня ты была, пожалуй, только 33 года назад, когда меня грудью кормила.

Прости, что не обнял тебя на прощание перед отправкой под Славянск.

Подпись: лейтенант Народного Ополчения Донбасса Андрей Соколов-Рамирес, 11 мая – 4 июня 2014 года, Луганская Народная Республика.

Верю, люблю, надеюсь.

Эпилог всего произведения. Меч Господа и Гedeона

Интервью ополченца Андрея Соколова каналу “Anna News” 30 июля 2014 года

Корреспондент Марина Харламова (в дальнейшем М. Х.): Здравствуйте. С вами рубрика «Наши крупным планом». Сегодня у нас в гостях командир Народного Ополчения Донбасса, одно имя которого вселяет в сердца бандеровцев страх. Его позывной – Рамирес. Здравия желаю, товарищ лейтенант.

Лейтенант Рамирес (в дальнейшем Л. Р. Сидит в полевой форме – в тельняшке и камуфляжном кителе, из-за жаркой погоды с закатанными рукавами): Доброго дня.

М. Х.: Этот день действительно добрый. Вчера взвод лейтенанта Рамиреса бок о бок с бойцами Моторолы предотвратил взятие Шахтёрска украинской армией. При этом они подбили в общей сложности больше ста танков.

Л. Р.: 126 всего. 37 мы превратили в груды металлолома. Оставшиеся почти девять десятков надеемся отремонтировать и ввести в строй.

М. Х.: Разрешите задать вам наши вопросы.

Л. Р.: Разрешите, сначала я задам вам один вопрос: вы и есть та Анна, в честь которой назвали канал? *(улыбается)*

М. Х. (смеётся): Нет, меня зовут Марина. Ознакомиться с историей канала зрители могут на официальном сайте. Лучше потратим наше ограниченное время собственно на интервью. Итак, вы не похожи на испанца. Я правильно догадываюсь, что по паспорту вы совсем не Рамирес?

Л. Р.: Я не скрываю своё настоящее имя. Соколов Андрей Владимирович.

М. Х.: Украинские СМИ усиленно распространяют слухи, будто бы дончане сидят по домам, а в ополчении воюют наёмники из России. Вы – русский или украинец?

Л. Р.: Я – полукровка. Отец русский, мать – украинка. Родился и вырос в Лутугино, в 22 километрах от Луганска. Два с половиной года жил в Крыму, полгода в Киеве.

М. Х.: Вы разговляете украинською мовою?

Л. Р.: Розмовляю трохи. Але зараз, коли идетъ боротьба за право Донеччини і Луганщини розмовляти російською мовою, нам краще розмовляти російською.

М. Х.: Вы правы. Давайте лучше по-русски. У вас есть украинский паспорт?

Л. Р.: Сжѐг.

Голос за кадром: Правильно. Я свой тоже сжѐг.

Укоризненный взгляд журналистки в камеру, точнее, в глаза стоящего за ней оператора.

Тот же голос за кадром: Прости, Марин, не удержался.

М. Х.: Вы убивали людей?

Л. Р.: Людей – нет. Только фашистских штурмовиков из национальной гвардии и правого сектора.

Улыбаются удачной шутке.

Л. Р. (продолжает): Могу предсказать следующий вопрос: «Легко ли убивать врагов?» Это ложь, будто бы можно убить человека и не испытать состояние шока. После первого убийства неизбежно ломает. Не слабее, чем наркоманов и алкоголиков. Потом привыкаешь. Первый раз все мои внутренности буквально вывернуло наизнанку. Второй раз пошёл уже легче. Третий раз вообще ничего не почувствовал. Четвёртый – хуже третьего. А потом я сбился со счёта своих убитых и перестал их считать.

М. Х.: А страшно ли вам во время боя за свою жизнь?

Л. Р.: Когда Лѐха выступал перед нами на курсе молодого бойца...

М. Х.: Вы имеете в виду подполковника Алексея Мозгового?

Л. Р.: Так точно. Это для меня он – Лѐха, а для вас – товарищ подполковник. Так вот, когда подполковник Мозговой выступал перед нами на курсе молодого бойца, он сказал фразу, которая оказалась пророческой: «Когда вы попадёте на фронт, первое, что вы сделаете – вы обгадитесь. Можете сколько угодно храбриться на тренировках в тылу, но когда на передовой пули засвистят над вашими головами, вы, всей душой того не желая, неминуемо испытаете дикий животный страх. Ибо инстинкт самосохранения ещё никто не отменял». Не боятся только бактерии – у них мозга нет. А люди, кто лучше, кто хуже, умеют контролировать свои инстинкты разумом. И выставлять приоритет общественного над личным.

М. Х.: Пройдѐм по слухам, что ходят об ополчении. Есть ли среди ваших бойцов женщины?

Л. Р.: В моём взводе нет, а вообще в ополчении есть. Например, лучший снайпер батальона «Призрак», где я служу – совсем молоденькая девочка Ксюша, позывной Завиток. Особо хочу сказать про женский батальон из временно оставленного нами Северодонецка. Командир у них колоритный. Полина, позывной Чѐрная вдова. Она и вправду вдова. В один прекрасный, а точнее, ужасный день пошла с утра на воскресную службу в храм. Возвращается, а на месте дома – воронка. Погибла вся семья. Тогда она побежала назад в церковь, что есть мочи, упала на колени перед священником, который ещё не ушѐл, обхватила руками его за ноги и как закричит:

– Батюшка! Делайте со мной, что хотите, но я вас не отпущу, пока не благословите воевать.

Объездила всю Донетчину и Луганщину, выискивая готовых пойти добровольцами девушек.

Бесстрашия в ней не меньше, чем во всѐм моём взводе. Я имел возможность оценить её в деле – мы вместе совершали диверсии в Лисичанске в первые двое суток после взятия его украми.

Вы, наверно, задали вопрос про женщин, потому что после свадьбы Моторолы вам интересно, не собираюсь ли я пойти по его стопам? Мой ответ – категоричное нет. Полина пыталась ко мне клеиться в Лисичанске, когда мы ночевали вдвоѐм в тесном схроне. Но безуспешно. Я люблю своих соратниц, но только как сестѐр во Христе и сестѐр по оружию. У меня была только одна любимая женщина, которая сейчас ждѐт меня на том свете. Если Господь сподобит дожить до победы, то я уйду в Свято-Успенский монастырь в Бахчисарае и стану иеромонахом.

М. Х.: Вы затронули тему православия. Я вижу у вас на плече шеврон «Православие или смерть». Значит, вы носите эту нашивку не для красоты, а по убеждению, так?

Л. Р.: Именно. Хотя, выглядит этот знак действительно красиво.

М. Х.: И вы делом доказываете свою позицию, отстаивая православие на Донбассе не на жизнь, а на смерть. Расскажите о наиболее запомнившемся вам подвиге.

Л. Р.: Где тут подвиг? Тут работа. Как говорится, «Делай, что должен, и будь, что будет» (*неловко улыбается*).

Помню, брали мы Кружиловку. Это на самом краю Луганской Народной Республики. Первый прорыв ополчения к границе, когда мы опрокинули украинскую пограничную заставу и открыли возможность переправлять гуманитарные грузы из России.

В ночь на 22 июня.

Нас было всего 20 бойцов со стрелковым оружием. Их что-то около 130 человек, причём у них была даже пушка. Мы подъехали на пяти машинах – шли без света, на предельно малом ходу, чтобы шума поменьше. Едем вверх, на холме их казармы, дальше – крутой спуск и река Северский Донец, по которой и проходит граница. Встали мы, значит, вокруг них полукругом. И в последний момент резко врубил дальний свет и включили автомобильную акустику на полную мощность. У кого панк-рок, у кого хэви-метал. У меня – пауэр-метал про геноцид индейского населения Америки, устроенный янки, с которых укры берут пример. Идея не моя была. Новенький в нашем отряде придумал. Мы после этого хотели присвоить ему позывной Артист, но такой уже есть у актёра харьковского театра, перешедшего на нашу сторону ещё в апреле. И назвали паренька Ди-Джей.

Хохлы повскакивали с постелей в трусах и майках, не понимая, что происходит. А мы начали палить беспорядочно из автоматов и орать во все свои лужёные глотки: «Меч Господа и Гедеона!» Они отложили тонну кирпичей и открыли по своим же дружественный огонь. Часть из них хотели завести грузовик и сбежать – так по ним шмальнули из ихней пушки. Никого не осталось. Через несколько минут всё было кончено. Остатки уплыли на катере вниз по Донцу, но недалеко. В панике они завернули в левый приток реки, на территорию Ростовской области, где их повязали российские погранвойска.

А мы ударно трудились под палящим солнцем весь самый длинный день в году и на следующее утро навели понтонный мост. Радиосвязи с другими взводами и ротами не было. Как мне рассказали после нашей встречи, подошли к Кружиловке ещё две роты, со стороны Пархоменко. Не зная, какой именно из взводов «Призрака» вышел на задание и успешно ли мы выполнили боевую задачу или полегли. Стали смотреть в бинокль и спорить между собой. А мы выкрасили простыню в синий крест на красном фоне и повесили её на флагштоке вместо жовто-блакитной тряпки. И вот, смотрят, значит, два ротных командира на понтонный мост, на боевое знамя Новороссии, и один говорит:

– Я слышал от Алексея, что зачищать границу в этом секторе выдвинулась группа Рамиреса.

А второй возражает:

– Рамирес поднял бы «Весёлого Роджера».

То есть я уже месяц назад ассоциировался со знаком «Православие или смерть». На пиратский флаг похоже, скажете. А я и не возражаю. Мы тоже мятежники. Объективно. Впрочем, боевое знамя Новороссии на основе “Rebel flag of Confederate States”¹ – более красноречивая пощёчина янки, спонсирующим Петро Потрошенко. У меня и такой шеврон нашит на форме – на другом плече, для симметрии (*улыбается*).

М. Х.: Я только заметила, что у вас татуировка на правом предплечье, латинскими буквами. Что там написано?

Л. Р.: Cristeros libertadores. В переводе с испанского – «Воины Христовы, освободители». В двадцатых годах прошлого века, когда в Мексике правили троцкисты, местные католики подняли против них восстание, называя себя так. И мы воюем против бандеровской хунты, насильно обращающей православных христиан в секту «Киевский патриархат», сравнимую с так называемой «Церковью Рейха» в нацистской Германии, где в храмах вместо статуй Христа ставили бюсты Гитлера. А среди этих кристерос был священник Викториано Рамирес, отсюда и мой позывной. У меня был родственник, священник отец Виктор, убитый во время националистических погромов в Киевской области весной. И я хочу, чтобы при монашеском постриге, когда будут менять имя, меня назвали именно Виктором.

М. Х.: Но ведь татуировка – не совсем православное явление. Точнее, совсем не православное.

Л. Р.: На день рождения наколол, который совпал с днём провозглашения Луганской Народной Республики. Покуражиться перед сослуживцами захотелось. Батюшка, окормляющий наш батальон, конечно, не одобрил. Но сводить не буду. Может быть, в одном из боёв эту руку оторвёт.

¹ Флаг мятежной конфедерации штатов (англ.).

М. Х. (поёжилась): Чёрный юмор.

Л. Р. (ледяным тоном): Какая жизнь, такой и юмор.

М. Х.: И всё-таки, несмотря на всю трагичность текущей ситуации, можете ли вы припомнить какой-нибудь курьёзный случай на вашем боевом пути?

Л. Р.: Пару недель назад заглянул на сайт СБУ – чисто поржать. И увидел, что там вывесили списки террористов, сепаратистов и прочих противников режима Порошенко, то есть нас. Не знаю, что курит составитель этого «хит-парада», какие грибы. Игорь Стрелков, герой из героев, всего лишь на пятом месте. Мозговой, выдающаяся личность, равная Стрелкову, вообще в первую десятку не попал. Но сильнее всего меня возмутило то, что моя фамилия там вообще отсутствовала.

Там был так называемый телефон доверия, по которому можно позвонить и сдать сепаратистов. Я и позвонил. На том конце провода обрадовались – подумали, кто-то из гражданских хочет заложить партизан. Спросили, кого я желаю назвать. А я ответил:

– Я – сепаратист. У меня в подчинении три десятка удалых молодцов, а меня нет в списке лиц, опасных для Порошенко. Безобразие.

М. Х. (едва сдерживая смех): И что они вам ответили?

Л. Р. (спокойно): Поблагодарили за звонок. Обещали исправить свою оплошность. Через три дня я снова посмотрел списки – не обманули.

М. Х.: Нам поступает информация, что про войну уже анекдотов всяких насочиняли. Вы знаете хоть один?

Л. Р.: Знаю, и не один. Мой любимый таков:

Киевлянин живёт и работает в Донецке уже не первый год. А прописка киевская. Вдруг ему на мобильный звонок – киевский военкомат. Военком начинает ездить по ушам, что, мол, должен он явиться через два дня в военкомат с вещами для отправки на войну.

Тот отвечает:

– Вообще-то я не в Киеве и уже воюю.

У военкома появилась заинтересованность:

– Когда призывались? В какой части служите? На каком участке фронта? Кто командир?

Тот отвечает:

– Доброволец. Батальон подполковника Кононова. Шахтёрск. Ополчение ДНР.

На том конце провода – кататонический ступор. Потом робкий вопрос:

– А в Киев когда собираетесь?

– Вот освободим Славянск и Краматорск, и сразу к вам. Прямо к военкомату на танке подкачу.

М. Х.: А мой любимый:

Армянское радио спрашивают:

– Почему бойцы национальной гвардии Украины во время интервью прикрывают лица масками?

Ответ:

– Им ещё в Россию гастарбайтерами ехать.

Л. Р.: Такого я ещё не слышал.

Оба смеются. Журналистка возвращается на деловой лад первой.

М. Х.: Продолжим разбирать слухи об ополчении. Есть ли у вас несовершеннолетние?

Л. Р.: В моём взводе один сын полка. Родился в день нападения Соединённых Штатов на Югославию в 99-м году. Учился в школе в Мариуполе, никого не трогал. 13 июня он сдавал экзамен. И тут тревога – укры начали зачистку города. Жители спустились в подвалы, а солдаты завязали с нашими бой. Его школа была на правом берегу реки Кальмиус, где шла регулярная армия – эти гражданских не тронули. А его семья оставалась дома на левом берегу, где шёл правый сектор. Те забрасывали подвалы гранатами. И остался он круглым сиротой. Прибился к отступающей роте Бабая и шёл с ними до самого Антрацита, где я взял его под своё крыло. Оружие малолеткам мы не даём. Вася, например, ведёт разведку. Юркий подросток, идеально знающий местность, в этом деле незаменим. Он объездил на своём велосипеде весь юг Донецкой и Луганской республик. Был даже в двух сёлах Бердянского района Запорожской области. Вот такой сын полка. Да он и вправду мне почти что в сыновья годится. Если бы я залетел на первом курсе института, у меня бы мог быть сын такого возраста (*смеётся*).

М. Х.: Но у вас нет ни жены, ни детей?

Л. Р.: Не успел я завести детей. Я – вдовец (*резко мрачнеет*).

М. Х.: Эту войну называют братоубийственной. У вас есть родственники в противоположном лагере?

Л. Р.: Есть. Точнее, был один. Мамин двоюродный племянник, Юра Грищук, из Хмельницкого. Девичья фамилия матери – Олеся Грищук. Так вот, этот Юра был главным специалистом по пыткам в карательном батальоне. Отпетый садист. Был в моём взводе боец, Дима, – виртуозно играл на гитаре битлов, у него и позывной был Маккартни. Попал в плен. А Юрик придумал изощрённое издевательство – во время жестоких допросов над заключёнными измывались под звуки музыки. А между этими допросами прокручивали им в камере те же песни, что звучали во время пыток. И когда мы обменяли Диму на их пленника, его трясло мелкой дрожью от первых же аккордов некогда любимой песни «In my life» – его под неё месили, как боксёрскую грушу. Неделю назад Юра попал ко мне в плен сам. Вспомнив, что он сделал с Маккартни, я лично пустил ему пулю в лоб без суда и следствия.

М. Х.: Есть ли у вас родственники в ополчении?

Л. Р.: У меня остался один близкий человек – мама. Остальных я потерял. В середине марта во время погрома в Киевской области погиб двоюродный брат. По дороге из Киева в Крым попала под горячую руку бандеровцев жена. А я, оставшись один, как перст, взялся за пистолет. Я сражаюсь не за то, чтобы Донецк и Луганск писались без мягкого знака на географической карте. А за то, чтобы никогда, вы слышите, ни при каких обстоятельствах весёлые аполитичные панки и рокеры не становились суровыми мстителями за смерть друг друга. Вот за что я сражаюсь! (*Стучит кулаком по столу.*)

М. Х.: Вернёмся к вопросу о составе ополчения. Насколько охотно записываются в него жители Новороссии? И каков процент сочувствующих вам среди тех, кто не воюет?

Л. Р.: В разных городах по-разному. Помню, ехали мы как-то вечером на БТРе по улицам Луганска. И видим, развалились на скамейке несколько рыл, пиво дуют. Проезжаем мы мимо них, а они одобрительно кричат пьяными голосами:

– Молодцы, ребята, так держать!

Я не выдержал и наорал на них:

– А вы что сидите? Вместо того чтобы отстаивать свою свободу, пивные сиськи отращиваете!

И грязно выругался.

А комбат Полина в Северодонецке так напутствовала своих девиц:

– Пока мужики смотрят чемпионат мира по футболу под пиво, кто будет защищать Родину, если не мы?

Но есть и другие примеры. Когда весь город, до последней бабушки, вставал на свою защиту.

В Славянске жила старшая сестра моей матери, тётя Света.

И когда там появились первые каратели, она с подружками весь день пекла пирожки. Начиня их снотворным.

Ближе к вечеру они вышли навстречу солдатам и так нежно стали ворковать:

– Ой, какие худенькие голодные мальчики. Устали, наверно, с дороги. Мы вам покушать принесли.

Отвели они, значит, отравленные пирожки, а наутро, когда проснулись, обнаружили, что стали безоружными военнопленными.

М. Х.: Славянск сейчас оккупирован украинской армией. Вы в курсе, действительно ли укры подвергли жестоким репрессиям местных жителей, единодушно поддерживавших ополчение?

Л. Р.: Я не скажу за всех жителей, а тётю Свету казнили. Семидесятилетнюю старушку и других бабушек затравили собаками, согнав народ на зрелище для остратки. Исполнители кровавой расправы известны нам поимённо. Трое уже ликвидированы. Одного из них я собственноручно повесил на линии электропередач. Учитывая, какой бардак на оккупированных территориях, может быть, он до сих пор там висит.

М. Х.: Вы говорили, что родом из Лутугино. Насколько мне известно, в Лутугино сейчас идут бои. Ваша мать там?

Л. Р.: Лутугино под контролем укров. Маму я заблаговременно вывез. Она живёт в черте Луганска, в Каменном Броде. В этом доме раньше жили вдвоём отец и сын. Они оба у меня во взводе, а дом остался пустым. Теперь бойцы спокойны за то, что есть кому поддерживать порядок в доме, а я спокоен за мать.

М. Х.: Но ведь Каменнобродский район Луганска находится под артиллерийским обстрелом.

Л. Р.: Весь город под обстрелом. Увы и ах, в Новороссии сейчас нет безопасных мест. Но мы работаем над тем, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Может быть, не так эффективно, как хотелось бы, но работаем.

М. Х.: А как, вообще, настроение бойцов? Не теряют веру в победу?

Л. Р.: Как написано у апостола Павла: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены. Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся».

М. Х.: Как вы относитесь к тому, что стали знаменитым?

Л. Р. (поморщился): Я не ищу известности. До войны я был очень общительным и честолюбивым. Но, потеряв больше половины близких и дорогих людей, весельчак и балагур замкнулся в себе и превратился в интроверта.

М. Х.: По вашей манере держаться во время интервью я бы не сказала, что вы необщительный.

Л. Р.: Со стороны, наверное, виднее.

М. Х.: Одна студентка с Западной Украины весной написала стихотворение «Никогда мы не будем братьями», посвятив его русским. В то же время большинство россиян, несмотря ни на что, считают русский и украинский народы братскими. А что скажете вы?

Л. Р.: Я бы назвал повальную русофобию на Украине массовой одержимостью. Это прискорбно, но излечимо. Скоро к ним придут экзорцисты с калашами. Не хотят по-хорошему, тогда мы по-плохому заставим их признать очевидное: «Россия, Украина, Беларусь: вместе мы – Святая Русь».

М. Х.: Как вам с Моторолой удалось отстоять Шахтёрск при десятикратном превосходстве противника?

Л. Р.: Прежде всего, из-за нежелания украинских солдат наступать. Мало кто действительно готов умирать за олигархов, идиотов и клоунов в Верховной Раде, которую за глаза называют «Верховна зрада».

Видел на днях эссе одного из блогеров о поведении Порошенко в Европе и США, кратко уместящееся в одной фразе: «Мы великие – дайте денег».

Мне его характеристика из этого эссе очень понравилась: «Муссолини сделал фашизм модным, Гитлер сделал фашизм страшным, Порошенко сделал фашизм ничтожным. Если Гитлер – железный кулак фашизма, то Порошенко – это его жидкий стул».

М. Х. (хихикнув после предыдущей фразы лейтенанта): Благодарю за такие развёрнутые ответы. Не могу не задать ещё один вопрос, наверно, уже набивший оскомину всем – в чём смысл вашей жизни?

Л. Р.: Развёрнутого ответа не будет. Ограничусь краткой, но ёмкой фразой: не так важно, ради чего вы живёте, как то, ради чего вы готовы умереть.

М. Х.: Время нашей рубрики заканчивается. Напоследок – опросник, предполагающий краткие ответы. Блиц. Ваше любимое блюдо?

Л. Р.: Вафельные трубочки с масляным кремом. До войны меня часто кормили ими мать и жена. И их мне не хватало, когда в киевской тюрьме подавали на ужин тухлую баланду.

М. Х.: Любимый спиртной напиток?

Л. Р.: Сейчас не пью – в ополчении сухой закон. До войны предпочитал виски «Джим Бим».

М. Х.: Любимая книга?

Л. Р.: Последняя книга Библии, «Откровение Иоанна Богослова». Об окончательной победе добра над злом.

М. Х.: Любимый фильм?

Л. Р.: «Аты-баты, шли солдаты». Советская трагикомедия об Отечественной войне. Там есть ефрейтор Святкин – в нём раскрыта вся сущность славянского воинства.

М. Х.: Любимая песня?

Л. Р.: Группа «Кукрыниксы», песня «Солдатская печаль» (*помрачнел и отвёл глаза*).

М. Х.: На этом всё. С вами была рубрика «Наши крупным планом» – корреспондент канала «Anna News» Марина Харламова и офицер ополчения лейтенант Рамирес. Спасибо за беседу, Андрей Владимирович. Надеюсь, мы с вами ещё увидимся.

Л. Р.: Конечно, увидимся. Все мы там будем. Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

М. Х.: Есть такая песня: «Жить быстро, умереть молодым – красивый девиз, но я хочу быть живым».

Л. Р.: Я тоже хочу, если честно. Прошу прощения за переизбыток чёрного юмора.

29 июля – 12 октября 2014 г.

Калининград, Россия